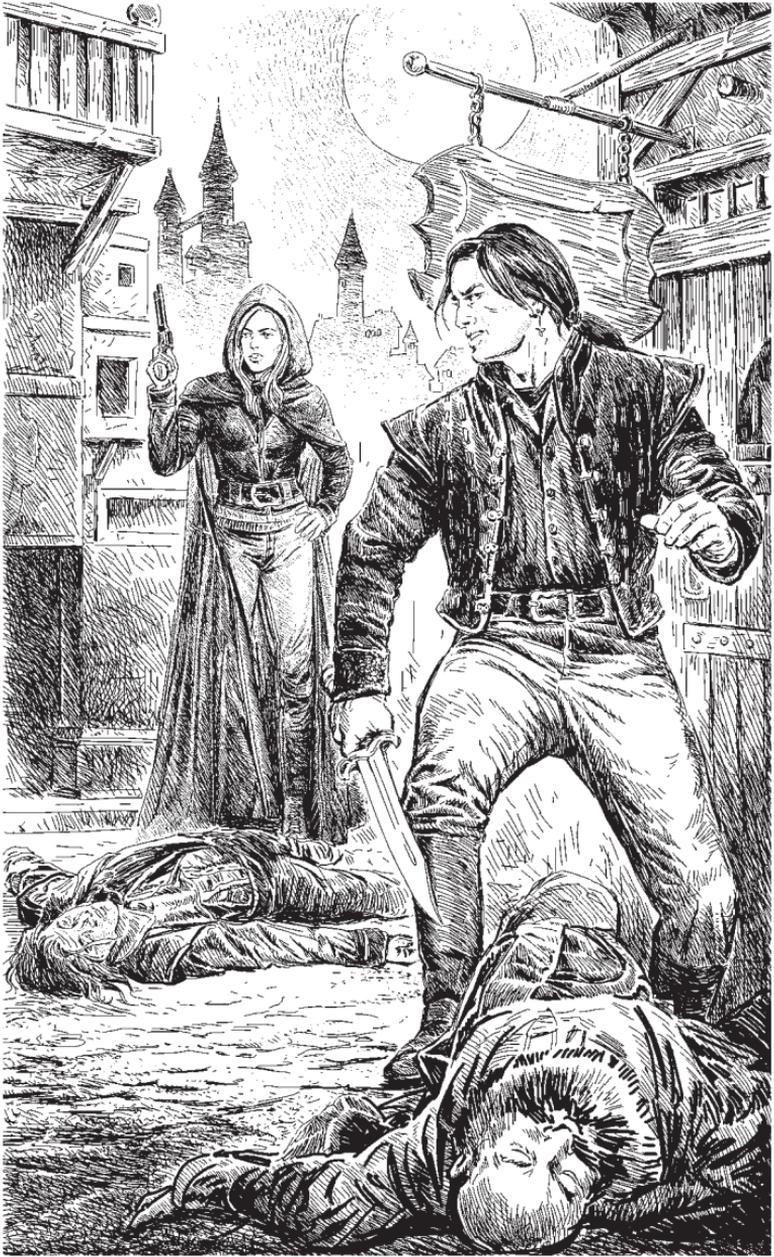




Оксана Панкеева



ПЕРЕСЕКАЯ ГРАНИЦЫ
О ПОЛЬЗЕ ПРОКЛЯТИЙ



Оксана Панкеева

О пользе проклятий

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2012
 **САРМАЛА**
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П16

Художник
А. Клепаков

Панкеева О. П.

П16 О пользе проклятий: Роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 408 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1050-7

Если вам не везет ни в труде, ни в личной жизни, да настолько, что даже перемещение в иной мир ничего не может исправить,— это плохо. Если завистливым соперницам показалось недостаточным наложить на вас проклятие и они прилагают все усилия, чтобы отправить вас в пасть дракона, — это еще хуже. Если друг ничем не может вам помочь и, более того, сам вот-вот потеряет корону по милости доверчивого дядюшки — это совсем плохо. Но если в ваш дом однажды занесет отставного убийцу, которому по пятницам снятся малознакомые покойники, — это может оказаться к лучшему...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1050-7

© Панкеева О. П., 2004
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Ольга печально оглядела свое жилище. Единственная комната выглядела так, словно в ней неделю кутило целое племя варваров, но наводить порядок у хозяйки не было ни сил, ни желания, как и весь прошедший месяц... Пардон, луну. Пора привыкать к местному календарю; нравится или нет, но это на всю жизнь. Не январь, а Серебряная луна. И что в ней серебряного? Ветер, слякоть, а снег если и соберется два раза за всю зиму, то непременно тает, не долетев до земли.

Грустно на все это смотреть, тоскливо и тошно. То ли из-за погоды, то ли с переселенцами всегда так?.. Стресс там, ностальгия, все такое?..

Три месяца... вернее, три луны назад, когда Ольга попала в этот сказочный мир, все выглядело совсем иначе. Прежняя жизнь, которую при всем желании нельзя было назвать удачно сложившейся, осталась где-то далеко за пределами пространства и времени, и возможность начать все заново казалась заманчивой. Некоторое время.

А потом все вдруг стало быстро и беспощадно возвращаться на свои места. Об этом следовало бы догадаться сразу — если уж человеку не везет ни в труде, ни в личной жизни, тут мало что зависит от мира, в котором человек живет.

Справедливости ради надо сказать, что финансовое положение Ольги по сравнению с прежним значительно улучшилось, но это ее мало радовало. Жалованье в Королевской библиотеке надо было зарабатывать — пусть не тасканием тяжестей, но испорченными нервами и посто-

янными стрессами. Специально, что ли, в эту библиотеку такой коллективчик подобрали? Как подумаешь, что завтра опять туда идти и с ними общаться, так и жить не хочется... Такие вот успехи в труде.

Что же касается личной жизни, всяческие иллюзии касательно прогресса в этой области рассеялись с первых же дней пребывания в новом мире. Все повторялось с удручающим постоянством. А разве могло быть иначе? Если раньше всегда оказывалось, что парень, который ей нравится, непременно влюблен в ее же подругу, почему теперь что-то должно было измениться? Понятное дело, если бы она при перемещении вдруг волшебным образом преобразилась в писаную красавицу, может быть, что-то бы и повернулось иначе... А может, и нет. Но все равно было бы легче.

Симпатыга Жак, личный шут и задушевный приятель его величества, специалист по адаптации переселенцев, пользовался большим успехом у противоположного пола, и, следует признать, у Ольги не было шансов при такой конкуренции. Даже если бы она была красавицей. Ведь сколько бы красавиц ни украсили собой расписание свиданий любвеобильного шута, его сердце принадлежало и будет принадлежать одной-единственной девушке. Ученице лекаря Терезе, которая до сих пор не позволила ему ничего больше братского поцелуя в щечку. Странная они пара, Жак и Тереза, до сих пор большинство знакомых с удивлением гадают, что их может связывать. Он — легкомысленный, острый на язык, с крайне смутными представлениями о том, что такое скромность. Она — серьезная, ответственная, всегда очень сдержанная в суждениях. Тереза — человек глубоко и искренне верующий, а Жак — воинствующий атеист. Он безалаберный, она аккуратная. Он не пропустит ни одной хорошенькой девчонки, она может взирать на мужское тело без отвращения только на операционном столе. Она учится на хирурга, он падает в обморок при виде крови... Перечисление противоположностей можно продолжать бесконечно, но эти двое каким-то образом умудряются любить друг дру-

га. Может, дело в том, что они оба переселенцы? Только Жак почему-то тщательно скрывает этот факт и чего-то очень опасается. Ольге он так и не сказал, чего именно, только намекнул, но был при этом настолько серьезен, что Ольга и настаивать не стала. Он и так всего на свете боится, зачем беднягу лишний раз травмировать...

С Жаком они остались друзьями. Так с ней обычно бывало и прежде — из несостоявшейся любви, если ее не афишировать и вообще поменьше проявлять, может получиться хорошая дружба. Кстати, друзья — это, пожалуй, единственное, в чем ей более или менее везло в обоих мирах. Вот Жак с Терезой, например. Или Элмар с Азиль, у которых она жила первое время. Тоже странная пара, но какие ребята замечательные!

Принц-бастард Элмар, первый паладин короны, герой в отставке, великий воин и плохой поэт, огромный, надежный и безгранично великодушный, — это друг, о котором можно только мечтать. Если бы он еще хоть чуточку поменьше пил... Нет, Ольга ничуть не хуже к нему относилась из-за этого, но вот сам он имел бы гораздо меньше неприятностей и поводов для раскаяния, если бы всегда соображал и помнил, что делает и говорит.

Несравненная Азиль, его возлюбленная и вроде как невеста, до сих пор оставалась для Ольги загадкой. Как, впрочем, и для большинства местных жителей. Нимфы встречаются редко, и люди знают о них очень мало. Вроде бы на первый взгляд нормальная девушка, только красивая просто нечеловечески. Но иногда вдруг как посмотрит... А потом как скажет... И сиди полдня, догадывайся, что она имела в виду. Или выйдешь с этой подружкой по городу прогуляться, а она вдруг на полпути вцепится в незнакомого мужика с вечным своим предложением насчет «навестить ночью». Хорошо хоть не прямо здесь и сразу! И смотрит потом невинным детским взглядом и объясняет, что так, дескать, нужно и правильно. Что ж, ей виднее, как нужно и правильно. Что-то она такое видит, в чем даже маги не всегда могут разобраться, а уж простым смертным такие тонкости и вовсе недо-

ступны. Ольга, к сожалению, относилась к последним, причем не то что «простым», а прямо-таки «проще некуда». Ее неспособность к магии была настолько дремуча, что некоторые виды заклинаний на переселенку даже не действовали. В частности, иллюзии оставались где-то за гранью ее восприятия, и, возможно, не только они, но проверять ни у кого не нашлось времени.

С некоторой натяжкой к друзьям можно было отнести и принца Мафея, но этот славный мальчишка с заостренными ушками бывал у Ольги очень редко и только в сопровождении Элмара или Жака. Сам парнишка наверняка бы хотел бывать в обществе старших почаще, но наставник был строг, и отлынивать от уроков магии ради сомнительных походов по гостям юному принцу не позволялось. Мафей со всем соглашался, но, стоило наставнику хоть на пару минут отвернуться, тут же отлынивал от занятий ради каких-нибудь магических шалостей. Например, пошарить вредными ручонками где-то между мирами и притащить в свою спальню что-нибудь невиданное. Таким вот образом попала сюда и сама Ольга, угодив в руки юному искателю приключений и чудом избежав верной смерти. Как оказалось, только для того, чтобы тут же напороться на новые неприятности.

Причиной неприятностей послужил еще один друг. Или теперь стоит говорить «бывший друг»? Или о коронованных особах вообще так говорить не положено? Словом, он был. И был он почти целую луну. Его королевское величество Шеллар III. К чести его величества, на короля он был совсем не похож. Настолько, что Ольга при первом знакомстве приняла его за обычного полицейского. Да и впоследствии в голове с трудом укладывалось, что она общается с главой государства. Скорее его величество воспринимался как любимый преподаватель в институте. Видишь, что человек замечательный, но чувствуешь, что между вами лежит огромная пропасть знаний и опыта, а также солидная разница в возрасте. Хоть и оказалось впоследствии, что не такая уж и солидная, но

все же его величество относился к тому типу людей, которых непроизвольно называешь по имени-отчеству, даже если они на этом не настаивают.

Помимо упомянутых достоинств была у короля одна черта, которую сложно было отнести однозначно к достоинствам или недостаткам. Неумное любопытство, которое он удовлетворял, общаясь с переселенцами. Само по себе частое общение Ольгу не напрягало — поговорить с умным и интересным человеком всегда приятно, будь он хоть сто раз король, — но вот один стратегический момент она по наивности упустила. Его величество Шеллар III был холост, из-за чего постоянно пребывал под неусыпным наблюдением потенциальных невест. Из-за этого все и случилось. Бдительные придворные дамы заподозрили своего повелителя в серьезных намерениях, а соперниц при дворе не жаловали. Справедливо рассудив, что в случае примитивного убийства отмазаться им не удастся, дамы привлекли подпольного некроманта, дабы известить нахальную переселенку более тонким способом. Маг им попался неопытный, просмотрел чего-то в своих заклинаниях и в результате сам поплатился жизнью, а незадачливая Ольга (ну когда ж у нее хоть что-то было как у людей!) получила такое недоделанное проклятие, что ни один специалист не смог объяснить, чего ей теперь ожидать.

А король... как ни прискорбно это сознавать, его величество после этого случая тихо и незаметно исчез из ее жизни. Даже не попрощался. Сначала Ольга считала, что это временно, даже спросила пару раз у друзей, отчего его величество не появляется. Элмар предположил, что кузен, наверное, сильно занят государственными делами. Жак уклончиво сообщил, что у короля сейчас большие проблемы. Больше Ольга не стала спрашивать. Что тут непонятного? Кончилась сказка. Сиди, дорогая подруга, и жди, когда к тебе явится твой «мертвый супруг», который к проклятию прилагается. Можешь даже радоваться, что он на самом деле оказался не мертвый, а вполне живой, спасибо недотепе-некроманту. Ну а то, что он одно-

рукий калека, что у него физиономия страшной атомной войны, что он еще может быть и психически болен, — это мелочи. Зато живой. А когда-то еще и красивый был, можешь на портрет полюбоваться...

И что с ним делать, если он в самом деле явится? Азиль утверждает, что люди, связанные магией, обязательно должны встретиться. И сама прилагает все усилия, чтобы этой встрече поспособствовать. Даже какого-то ползнакомого мистралийского повстанца озадачила просьбой поискать среди своих соратников пропавшего без вести барда Эль Драко. Как будто этому бедному мистралийцу делать больше нечего... Своих проблем, поди, хватает. Но с другой стороны, когда Азиль о чем-то просит, мало какой мужчина находит в себе силы отказать. Вот и этот господин, что бы там ни говорили о его патологической неприязни к женщинам, все же не устоял перед просительным взглядом очаровательной нимфы и пообещал поискать. Одно только непонятно — чем его так заинтересовала сама Ольга, что ему вдруг стукнуло в голову искать с ней знакомства? Виделись-то всего один раз и мельком, даже не разговаривали... Может, Азиль что-то ему наплела? Она ведь такая болтушка, даже то, о чем ее просят помалкивать, растрепывает направо и налево. А тут даже не просил никто. Правда, сама она утверждает, что мистралийца заинтересовала музыка другого мира, но звучит это как-то неубедительно.

Сама же Ольга знала об этом человеке слишком мало, чтобы делать какие-либо предположения. Только то, что вспомнил король из неполного и коротенького досье. Да еще то, что увидела Азиль, магическим образом в мистралийца заглянув.

Звали этого господина... как же его звали?.. кажется, Кантор. В лицо Ольга его вообще не запомнила, слишком мало видела. Заметила только, что интересный мужчина. Высокий, смуглый, длинноволосый... Глаза черные, горячие... Усы еще были, но король сказал, что фальшивые. И все. Со зрительной памятью у Ольги всегда были проблемы, встретить она этого мистралийца еще

раз — не узнала бы. Особенно если без усов и среди других таких же чернявых.

Профессия у господина Кантора была более чем экзотическая, и, хотя его величество пояснил, что мистралиец убивает людей не за деньги, а в процессе борьбы за свободу, все равно было немного страшновато. Нет, ту конкретную ведьму, за которой охотился Кантор в момент их встречи, Ольге не было жалко ни капельки — эта зараза чуть не погубила бедного Элмара, а за Элмара Ольга и сама бы любой злодейке голову открутила. Но ведь были и до того... и после... Словом, все равно жутковато. А вот Азиль, похоже, не видела ничего особо страшного в общении с убийцей и чирикала с ним мило и ласково, как со старым приятелем. Даже пожалела, хотя по виду этого кабальеро трудно было предположить, что он нуждается в чьем-либо сочувствии... Да ладно, бог с ним, с этим поклонником нетрадиционного искусства, не псих же он какой, не убьет незнакомую переселенку, если ему этого не приказывали. Вот только что делать, если он все-таки найдет и притащит ей пропавшего барда? Послушаться короля и срочно выходить замуж? Или рискнуть и проверить, сумеет ли графиня Монкар добиться, чтобы ненавистную соперницу, ставшую причиной ее удаления от двора, все-таки снарядили в жертву дракону?

Ольга вздохнула и печально поплелась на кухню. Что делать с этим бардом, можно будет подумать потом, если он и в самом деле появится. А сейчас есть задачи более насущные. Например, растопить эту вечно коптящую печку, отыскать распроклятый допотопный утюг и погладить идиотское платье со шнуровкой...

ГЛАВА 1

...Потому что если ты оглянешься и увидишь Очень Свирепого Слонопотама, который стоит над тобой и смотрит на тебя сверху, — ты иногда можешь забыть то, что собирался сказать.

А. Милн

— Что вы тут делаете? — поинтересовался Шеллар III, входя в учебную комнату принца. Мафей невинно похлопал глазами и ответил:

— Беседуем. Жак мне разные вещи рассказывает. Как тебе. А еще он тебе книгу принес, которую Ольга переписала, и я в нее позаглядывал немножко. Можно, я ее дочитаю, а потом тебе отдам?

— Посмотрим, — уклончиво ответил король и обратился к шуту: — Жак, ты когда-нибудь видел живого дракона?

— Откуда?

— А хочешь посмотреть?

— А это не опасно?

— Вот уж трусишка! Не знаю, но вряд ли. Пойдешь со мной?

— Куда?

— Я собираюсь в Драконьи горы, побеседовать с драконами. Нашелся наконец человек, который там бывал и может меня туда телепортировать и быть переводчиком при разговоре. Вернее, нашелся он давно, но я его долго уговаривал. Ну как, пойдешь?

— А нас там не съедят?

— Не съедят. Да не хочешь — не надо, это необязательно.

— Пойду, — решился Жак. — Когда еще мне выпадет случай посмотреть живого дракона, да еще чтобы меня не съели при этом...

— Я так и думал, — засмеялся король, — что любопытство у тебя еще сильнее, чем страх. Тогда поскорее надень что-нибудь теплое, и пойдем.

— Прямо сейчас?

— И поскорее, пока почтенный мэтр не передумал.

— А мне можно? — попросил Мафей, умоляюще устремив на кузена свои огромные темные глазищи. — Шеллар, пожалуйста! Я тоже хочу посмотреть на живого дракона! Возьми меня! Я не боюсь! А если что, я вас обратно телепортирую.

— Нет, малыш, извини, мне разрешили взять только одного сопровождающего.

— Но почему Жака?

— А кого? Элмара нельзя брать ни в коем случае, он четырех драконов убил, вдруг у них к нему претензии? Мэтр Истран тут же запретит мне рисковать моим бесценным здоровьем. Тебя я взять не рискну, я не знаю, как драконы отреагируют на эльфа, вдруг им это не понравится? А больше я никого взять не могу, потому что это очень секретное дело. Так что мы отправимся с Жаком, а ты не переживай. У тебя впереди еще по меньшей мере триста лет полноценной и интересной жизни, и драконов ты еще увидишь. А вот Жак — вряд ли.

Мафей огорченно понурился.

— А где же я одежду возьму? — заметался Жак. — У меня все дома. А там очень холодно?

— Там мороз и ветер.

— Как же сами драконы там не мерзнут?

— Не знаю. Мафей, смотайтесь быстро к Жаку домой, пусть он оденется. И не дуйся.

Когда они оказались в гостиной Жака, Мафей испуганно спросил:

— Как ты думаешь, Шеллар нас не вычислил?

— Не знаю, — пожал плечами Жак. — Да мы и не делали ничего такого. Ну подумаешь, испортили пару кристаллов, что тут страшного? Он же все равно не поймет, для чего. Он в магии не смыслит. А мэтр тоже не поймет, он такую идею не воспримет, даже если ему прямым текстом сказать.

Они поднялись в спальню, где Жак принялся копаться в шкафу, добывая оттуда теплые вещи, а Мафей уселся на тумбочку с ногами и снова спросил:

— А может, такие кристаллы просто не годятся? Может, нужен принципиально новый вид кристалла?

— Я же в этом не разбираюсь, — вздохнул Жак. — Попробуй. Ты имеешь представление, как это можно сделать практически?

— Не очень. Я еще не проходил структуры кристаллов.

— А что ты сейчас проходишь?

— Сейчас мэтр что-то активно взялся за медицину. Не знаешь, почему?

— Наверное, чтобы ты мог в случае чего ему помочь. Ты же знаешь, что король принципиально не желает иметь дела с придворным мистиком, потому что не доверяет ему. Бедный мэтр еще и медицинскими вопросами должен заниматься, как будто у него других дел мало. Хорошо еще, что наш король мужик здоровый и ничем страшнее насморка пока не болел, но всяко же бывает. Вдруг заболит?

— Но мэтр ничего мне не рассказывает о болезнях.

— А о чем?

— Учит оказывать первую помощь, останавливать кровь, лечить раны, реанимировать... И еще очень подробно углубился в токсикологию. Распознавание ядов в различных средах, симптомы, дозировка, различные противоядия, первая помощь, где она еще возможна. Жак, мне страшно. Он мне чуть было не показал «стазис», заклинание для магистра! И это при том, что сам же вечно поучает «не забегать вперед и не хвататься за недоступ-

ное!» Я видел эти мучительные раздумья на его лице, вот еще чуть-чуть — и он бы решился...

Жак вздохнул:

— И в кого ты такой умный? Я и то догадался, только когда ты сказал, что тебе страшно. Мафей, ты не бойся, это он на всякий случай. Это не значит, что кого-то непременно хотят отравить. А при чем тут «стазис», я вообще не понял.

— Когда яд быстродействующий, — тихо пояснил эльф, не поднимая глаз, — единственный способ попытаться спасти пострадавшего — бросить в стазис. Остановить время. Иначе не успеешь ничего сделать.

— Если бы все было так серьезно, — сделал вывод Жак, — он тебе этот самый «стазис» все-таки показал бы. Так что не бери дурного в голову и тащи нас назад, а то король ждет.

Мафей спрыгнул с тумбочки.

— Не знаю... мэтр ничего просто так не делает; раз он меня так интенсивно учит, значит, у него есть основания опасаться, что кого-то могут попытаться убить. Либо его самого, либо Шеллара.

— Давай поговорим об этом потом, ладно? А то его пронизательное величество что-нибудь заподозрит.

Король, вопреки опасениям Мафея, не затруднял себя вычислениями и подозрениями, а сидел в кресле, увлеченный чтением.

— Я готов! — объявил Жак. Его величество отложил толстую переплетенную рукопись и пожаловался:

— Ох и почерк у Ольги! Глаза сломаешь! Неужели руны так сложны для написания?

— На родном языке она пишет еще хуже, — засмеялся Жак. — Ну вот таким манером у нее руки вставлены. С чего вам вздумалось подрывать ее на переписку книг?

— А кого еще я мог привлечь для переписки книг из иного мира? Тебя? Ты, как мне кажется, вообще писать не умеешь и до сих пор пытаешься нащупать виртуальную таблицу символов, когда тебе суют в руки перо. Да и хотелось как-то дать Ольге возможность подзаработать,

раз я больше ничем не могу ей помочь. Кстати, давно хотел тебя спросить: куда она деньги девает? Я постоянно слышу, что у нее их нет.

— Да кто вам сказал, что Ольга бедствует? — удивился Жак. — Элмар? Вы его побольше слушайте. Ваш кузен привык, что ему деньги девать некуда, и не понимает, как они могут закончиться за два дня до выплаты жалованья. А писать я, между прочим, умею.

— По моим подсчетам, Ольге все же должно хватать, — возразил король.

— А вы в ваших подсчетах учли, что она снимает квартиру с ванной и водопроводом? Для человека, выросшего в конце двадцатого века, это не роскошь, а необходимость. А у нас такая квартира сами знаете, сколько стоит. И увлечения у нее не из дешевых. Книжки, музыкальные кристаллы, боеприпасы для любимой игрушки...

— Я понял, — перебил его король. — Не расслаживайся, пойдем в кабинет. Нас уже ждут.

— А что это за фигня такая, будто вы ей ничем не можете помочь? — поинтересовался Жак, когда они вышли в коридор. — Так-таки и ничем?

— А чем еще? Если у тебя есть какая-то дельная мысль, поделись.

— Да нет, она вовсе не дельная, а просто по-человечески... Чего вы с ней перестали общаться? Мы с ней часто видимся, и я, и Элмар с Азиль, и Тереза, даже Мафей иногда заглядывает, а вы спрятались в своем дворце и носа не кажете. Что, так стесняетесь или решили, что раз уж возможный роман накрылся некромантским проклятием, то в чисто дружеских целях не подобает его величеству водиться с особой низкого происхождения?

— Жак, прекрати нести чушь, — поморщился король. — Неужели ты действительно так обо мне думаешь?

— А как ваше поведение можно расценивать по-другому? Разбиделись, ваше королевское достоинство не перенесло отказа? От предложения в столь свинской форме и я бы отказался, и обижаться у вас нет никакого мораль-

ного права. А Ольга, между прочим, по вас скучает. Она-то никогда не рассматривала вас как возможного кавалера, а резко обрывать отношения из-за дурацкого проклятия для... э-э... просто друга — как-то странно. Гулять больше не водите, познавательных бесед за бутылкой не устраиваете, по охотам не таскаете, даже этот заказ на переписку книг через меня передали. Некрасиво получается, ваше величество. Ухаживали-ухаживали, а как попала дама в неприятности — сразу бросили. Кого-то мне это до боли напоминает... Ах да, вспомнил, была такая девица по имени Альбиона, о которой вы отзывались с величайшим презрением и крайней обидой, когда она разорвала помолвку с вашим кузеном...

— Давай об этом потом поговорим, — перебил его король. — Мне надо сосредоточиться и подумать кое о чем другом.

— Хорошо, — согласился Жак. — Будете должны.

— Что я тебе буду должен?

— Разговор.

— Как скажешь. Хотя я и не хотел бы это с кем-либо обсуждать, но ты же все равно не отцепишься... Познакомься, это мэтр Силантий.

Жак уважительно пожал руку пожилого поморца и представился. Хотя мэтр Силантий был особой известной и занимал почетную должность придворного мага у себя на родине, лично Жак с ним не был знаком. Отчасти из-за натянутых отношений между королями, а отчасти из-за того, что по официальной версии сам Жак происходил из Поморья, из-за чего Шеллар III всячески ограничивал его контакты с «соотечественниками». Во избежание.

Мэтр Силантий величественно качнул косматой седой гривой, поправил широкий кушак, за который была засунута шапка, и приказал:

— Шапку сними, юноша: драконы не любят.

— Почему? — любопытствовал король и тоже сунул шапку за пояс, так и не успев надеть.

— А не знаю. Не любят, и все. Ты, юноша, когда его ве-

личество будет говорить, постоишь в сторонке молча, чтоб не мешал. Ни в коем случае не орать, не визжать, не шарахаться и не падать в обморок. А вы, ваше величество, постарайтесь не упоминать в разговоре вашего кузена-героя, как будто его у вас вообще нет.

— Чего еще не любят драконы? — поинтересовался король. — Чтобы мы их нечаянно чем-нибудь не обидели.

— Не переносят малейшей непочтительности со стороны людей. Не любят, когда людей много, когда шумят, когда говорят глупости, когда пугаются... оружия очень не любят.

Король молча достал пистолет и положил на стол.

— Мы готовы, мэтр Силантий. Если что-то будет не так, предупреждайте, советуйте. Если я что-то не то скажу, поправьте при переводе.

— Обязательно, — пообещал маг и стал открывать телепорт. Жак поспешно вцепился в рукав короля, чтобы не потеряться. «Ну на кой мне это надо? — успел подумать он. — Зачем я согласился? Вот проклятое любопытство, вечно меня на подвиги тянет...» В следующий миг порыв ветра чуть не сбил его с ног, и он с трудом удержался за королевский рукав.

Они находились на огромном заснеженном плато, продуваемом ветром со всех сторон, и вокруг, насколько можно было окинуть взглядом, простирались только горы и снег. Справа белоснежные пики вонзались в ослепительно-синее небо, на котором не было ни единой тучки, ни единого облачка, только синее и белое, а слева в ясной лазури висело золотое солнце. Далеко впереди плато упиралось в отвесную скалу, а немного позади обрывалось в глубокое ущелье.

— Отойдите от края, — посоветовал маг. — Упадете еще. Подальше, чтоб ему было где приземлиться, а то придавит или сдует. И стойте покрепче, они как приземляются, сильный ветер поднимают.

Они отошли от края, как посоветовал мэтр Силантий, после чего король остановился в указанном ему месте, а Жак отошел еще метров на двадцать.

— А как они узнают, что мы их ждем? — спросил король, осматриваясь по сторонам.

— Нас хорошо видно на снегу, — пояснил маг. — Сейчас прилетит кто-нибудь. Мы с ними договаривались примерно на это время.

Жак тоже завертел головой, осматриваясь, чтобы не пропустить момент, когда появится дракон, но все-таки пропустил. Огромная золотистая туша легко взмыла над краем обрыва и, тормозя крыльями, стала садиться на плато почти рядом с людьми. Поднятый крыльями ветер швырнул Жака назад, и он, не удержавшись на ногах, мягко шлепнулся задницей в снег. Король все-таки удержался, только чуть попятился, прикрывая от ветра лицо. Скала гулко содрогнулась, дракон приземлился на задние лапы, оперся на хвост, как кенгуру, и сложил крылья. Жак, который только успел подняться, невольно сделал пару шагов назад и снова приземлился на пятую точку. Больше он решил не вставать, тем более что ноги его не слушались. Он с тихим ужасом наблюдал, как дракон встал на четыре лапы, вытянул шею так, что почти уперся мордой в короля, и что-то профыркал.

— Это Урр, предводитель стаи. Он вас приветствует, — пояснил Силантий.

— Я тоже его приветствую, — жизнерадостно откликнулся король. — Я что-то должен сделать для этого?

— Нет, я просто скажу.

Дракон выслушал ответное фырканье, качнул головой, приоткрыл пасть и высунул язык.

— Не бойтесь, он хочет вас потрогать, — предупредил маг.

Король спокойно кивнул. Жак, оцепенев от ужаса, смотрел, как длинный раздвоенный язык дракона обвиняет человеческую фигурку, совсем крошечную рядом с массивной золотой тушей, и боролся с желанием зарыться в снег с головой. Король с любопытством оглядел драконий язык и спросил:

— А мне его можно потрогать? Или это будет неуважительно с моей стороны?

— Можно, — ответил Силантий. — Они любят, когда их трогают. Только не за язык.

Король протянул руку и осторожно погладил золотистую чешую на морде. Дракон снова коротко фыркнул и втянул язык. Потом поднял голову повыше и громко что-то рявкнул.

— Он говорит, ваш спутник его боится, а вы нет. Почему?

— Наверное, потому, что все люди разные, — предположил король. — Он поймет, если выразиться так?

Маг пожал плечами и зафыркал по-драконьи. Дракон повертел мордой, снова рявкнул несколько раз и опустил голову почти до земли.

— Урр понял. Он сказал, что к ним часто обращаются маги, иногда — герои, но человеческих королей он еще никогда не видел. Ему интересно. Излагайте свой вопрос, он слушает.

— Спросите его... скажите примерно так: мы знаем, что драконы мудрые волшебные существа, они живут вдали от людей и стараются не иметь с ними дела. Но почему-то иногда некоторые драконы прилетают к людям, нападают на них и вообще ведут себя агрессивно. Почему?

Дракон выразительно посмотрел на Жака и отрывисто фыркнул.

— Он говорит, потому, что драконы тоже разные.

— А чем эти отличаются от других? Они не хотят жить со своими сородичами, или за что-то ненавидят людей, или просто агрессивны от природы и им все равно, на кого нападать?

— Урр сказал, — перевел мэтр очередное драконье ворчание, — ни один дракон не станет по доброй воле жить среди людей, разве что он ненормальный извращенец. Или отвергнутый стаей изгнанник, которому негде больше жить.

— А к какой категории относится тот, которому мы платим дань? Он себя называет Скорм Непобедимый и живет в Зеленых горах, на границе Органа и Мистралии.

Услышав перевод, спокойный до того дракон вдруг за-

ревел, зарычал, захлопал крыльями и несколько раз лупанул хвостом о снег, так что скала содрогнулась. Жак представил себе, что сейчас он еще и огнем плюнет для полного комплекта, и ему стало нехорошо.

— Он обиделся? — спросил король. — Я что-то не то сказал?

— Нет, он просто терпеть не может этого Скорма. Если опустить нецензурные выражения, он говорит, что Скорм всегда был наглым самоуверенным мерзавцем и самым гнусным извращенцем, какого видел свет. Они пятьдесят лет не могли от него отделаться, и, когда он покинул стаю, это был всеобщий праздник. Урр не возражает, если люди убьют Скорма.

— Я благодарен ему за разрешение, но, может, он еще посоветует, как это сделать? Почему ни один герой до сих пор не мог его победить? В чем его сила, что даже его сородичи не могли с ним справиться?

Дракон снова помахал хвостом, на этот раз вполне мирно, хотя Жак успел себе живо представить две кровавые лепешки на белом снегу. Потом опять низко опустил голову — так, что глаза человека и дракона оказались на одном уровне, — и зафыркал.

— Он говорит, Скорм — мастер марайи и побеждает хитростью. Что такое марайя, я вам объяснить не могу, мне самому не объяснили, хотя я когда-то интересовался. Урр тоже не объяснит, это понятие из области магии, а он воин, так что его бесполезно спрашивать.

— Тогда спросите его, как с этой самой марайей можно бороться. Необязательно знать, что это такое, но, может, он даст практический совет?

Дракон мурлыкнул, как кошка, и выпустил из ноздрей две струйки серого дыма.

— Он говорит, марайя действует не на всех, некоторые люди к ней устойчивы, и их не удастся обмануть. Если вы найдете таких людей, они смогут победить Скорма.

— Что ж, поблагодарите его. Все же какую-то информацию он мне подкинул, над ней можно будет поразмыс-

лить... Сяду, закурю трубку и подумаю. Может, до чего-то и додумаюсь.

Маг и дракон в очередной раз обменялись серией фыркающих звуков, после чего переводчик обратился к королю с улыбкой:

— Он спрашивает, что такое закурить трубку.

— Он никогда не видел, как люди курят? — удивился король.

— Разумеется. Он не видел людей в их естественной среде обитания, а при общении с драконом никто не наглет настолько, чтобы курить в его присутствии.

— Ему показать? Или объяснить принцип?

— Показать. Принцип я ему объяснил, он хочет посмотреть.

— С удовольствием, — засмеялся король и достал из кармана трубку и кiset. — Я как раз думал о том, что неплохо бы закурить, только вдруг дракону это не понравится?

— Они иногда ведут себя совершенно непредсказуемо. Видимо, он находит вас странным, и ему просто любопытно.

Король набил трубку и зашарил по карманам в поисках спичек. Дракон наблюдал, опустив голову и чуть склонив ее набок, словно присматриваясь.

— Если ему еще что-то интересно, пусть спрашивает, — предложил король. — Я охотно покажу и расскажу.

Первая спичка погасла немедленно, едва успев вспыхнуть. Король сложил ладони коробочкой и попробовал еще несколько раз, но ветер все равно задувал спички, едва они успевали загореться. Последовал очередной обмен фырканием, и мэтр Силантий сказал:

— Если у вас не получается добыть огонь, он предлагает помочь.

— А не будет ли это слишком жарко? — поинтересовался король.

— Ну что вы, он же понимает, насколько мелкие и

хрупкие создания люди. Он пустит самую тонкую струю чуть в сторону от вас.

— Спасибо, давайте попробуем.

«У него что, совсем мульки выбило? — в ужасе подумал Жак, представив себе, что останется от его величества после такого экзотического способа прикурить. — Экстремал хренов! А потом я притащу домой горстку угольков и буду объяснять Мафею, что мэтр Истран был прав насчет вреда курения?» Он даже попытался встать, но не успел.

Дракон повернул голову чуть в сторону и выпустил из полуоткрытой пасти струю огня. Король быстро протянул к ней руку и поджег весь коробок, от которого и раскурил свою любимую трубку. Затянувшись несколько раз, он посмотрел на дракона, задрал голову, и, подражая ему, выпустил дым через ноздри. Дракон сел на хвост, вытянул шею почти вертикально вверх, устремил морду к небесам и протяжно взвыл.

— Он в восторге, — перевел Силантий. — Вы ему необыкновенно понравились. Поздравляю, ваше величество.

— Он мне тоже, — ответил король. — Он... красивый. Поразительно красивый. И величественный. Я тоже в восторге от такого знакомства.

— Урр будет рад вас видеть, если вы еще пожелаете его навестить. Просто как гость. Они любят, когда люди не боятся.

— Я буду счастлив как-нибудь воспользоваться его приглашением. Вы согласитесь сопровождать меня, если я соберусь в гости?

— Непременно, ваше величество. С вами легко и приятно работать. Вы не представляете, какие клиенты мне иногда попадались...

Мэтр Силантий снова повернулся к дракону и порычал. Тот порычал в ответ.

— Он прощается.

— Пойдите! — спохватился король. — Я забыл его спросить! Зачем же все-таки Скорму девушки?

Дракон выслушал вопрос, взревел, в очередной раз ударил хвостом и сделал пару шагов к краю. Затем мягко

кувыркнулся с обрыва и спустя несколько секунд взмыл вверх и сделал круг в воздухе над головами людей.

— Он сказал — извращенец, он и есть извращенец, — перевел маг. Король помахал дракону рукой и крикнул:

— До свидания! Спасибо!

Дракон что-то рывкнул в ответ, сделал еще пару кругов, взмыл выше и направился в сторону снежных пиков, сверкая золотой чешуей на солнце.

— Жак! — позвал король. — Иди сюда! Задницу еще не отморозил?

Жак поднялся и побрел к ним, уговаривая себя, что бояться уже нечего, и пытаюсь унять бешеный стук сердца, которое колотилось, как горошина в погремущке.

— Неужели так страшно? — засмеялся король, взглянув на перепуганного шута. У его величества было счастливое лицо мальчишки, прикоснувшегося к заветной тайне.

— Ваше величество, — спросил маг, провожая взглядом удаляющегося дракона, — скажите честно, вам действительно совсем не было страшно, или вы так превосходно владеете собой?

— Действительно, — пожал плечами Шеллар. — Я вообще не умею бояться. Тем более что Урр не представлял никакой угрозы. Большой, только и всего. А в остальном — приветливое и дружелюбное существо. И удивительно красивое. — Король обернулся к напуганному шуту. — Жак, неужели этот общительный дракон тебе показался таким страшным?

— Очень, — признался Жак. — Но и красивым тоже, это верно. А это все правда настолько секретно?

— В высшей степени.

— Навсегда?

— Нет, только пока не разберемся с нашим Непобедимым. И еще кое с кем, если ты понимаешь, о чем я.

— А потом можно будет рассказывать?

— Тебе так хочется?

— Еще бы! — Жак несколько оживился. — Особенно о том, как он давал вам прикурить.

— Не вздумай! Мэтр Истран мне, как в детстве, штаны снимет и задницу надерет за подобные вещи... Мэтр Силантий, а вы не могли бы узнать у кого-нибудь из ваших коллег, что же все-таки такое «марайя»? Это будет оплачено дополнительно.

— Я спрошу, но вряд ли. И, ваше величество... вы дадите мне знать, когда с этого дела будет снята секретность? Мне тоже очень хотелось бы поделиться с коллегами своими впечатлениями о нашем путешествии.

— Если вы того желаете, непременно. Возвращаемся?

В кабинете Жак немедленно бросился к камину и присел в кресло, вытянув руки к огню. Он с трудом дождался, когда король закончит расчет и обмен любезностями с поморским магом и последний исчезнет в сером облачке.

— Ну что, выпьешь? — спросил король, с усмешкой глядя на своего перепуганного шута.

— А как же! — отозвался Жак, который, собственно, именно этого и ждал с таким нетерпением. — Мне непременно надо что-то выпить. Вы же знаете, какой я нервный и впечатлительный. А вы подвергаете мою хрупкую психику таким испытаниям.

Король засмеялся и достал из сейфа бутылку, а из ящика стола — серебряный стаканчик.

— Ты хоть разденься. Бери, наливай. Ну что там особенно страшного было, объясни мне?

— Как вам объяснить? Вы же этого не понимаете, потому и бояться не умеете. Я вам уже много раз пробовал объяснить... Вам наливать?

— Мне не надо. Я и так себя чувствую будто слегка навеселе. Подумать только, я собственными руками прикасался к живому дракону! Жак, ты полжизни потерял, сидя на своей заднице в снегу. Это надо видеть вблизи, чтобы прочувствовать полностью... А ты перепугался.

— Я и на расстоянии так прочувствовал, что чуть дуба не врезал. Но ничего, все-таки я на него посмотрел. Любопытство удовлетворил. И больше вы меня туда не заманите.

— Ну и ладно, — согласился король. — В следующий

раз возьму Мафея... Нет, я же забыл спросить, как они относятся к эльфам...

— Ольгу надо было взять, — сказал Жак. — Она бы не испугалась. Еще и проехала бы насчет того, какую блатную зажигалку вы себе заимели.

— Блатную — это что значит?

— Вот у нее и спросите. Она так выражается. Как увидите, так и спросите.

— Ты опять о том же? — нахмурился король.

— А вы мне остались должны разговор. И не пытайтесь уклониться. А то дождетесь — придет Элмар и со свойственной ему варварской прямоотой скажет вам, что он о вас думает. На чем мы остановились? Ах да, на девице Альбионе, которую вы тогда так лихо презирали. А между прочим, у нее было гораздо больше оснований прервать отношения с вашим кузеном, чем у вас в данной ситуации. Что ж так, ваше величество? Правда обиделись? Но вы же сами хотели, чтобы вам отказали. Или я не прав?

— Прав, — неохотно согласился король. — Я не хотел, чтобы она согласилась. И совершенно не обиделся, откуда у тебя такие мысли? Мне просто перед ней стыдно до глубины души за свою глупость и то самое свинское предложение. Без сомнений, Ольга давно простила мне мою ошибку, которая ей так дорого обошлась, и ни словом не упрекнет при встрече, но от этого еще более стыдно становится. Если честно, я просто не нахожу в себе сил прийти к ней и общаться, как прежде. Даже если она по-прежнему этого хочет.

— Поищите, ваше величество. Я имею в виду, силы поищите. Вам не приходило в голову, как ваше внезапное исчезновение выглядит со стороны?

— Не имеешь же ты в виду, что она думает, будто я не желаю с ней общаться из-за ее бедности и низкого происхождения? Ты же знаешь, что я не страдаю сословными предрассудками.

— А она страдает, представьте себе. Вы разве забыли, как она не любит больших начальников? В общем, если

не хотите, чтобы вашу стеснительность принимали за снобизм и высокомерие, берите бутылку, идите к ней в гости и миритесь.

— Но мы не ссорились.

— Тем более. Должен, кстати, высказать вам свое «фи!» по поводу того, как вы с вашим кузенком провели адаптацию. Вы поставили Ольгу в совершенно дурацкое положение. Ее соседи падают в обморок каждый раз, как Элмар приходит к ней в гости, и все поголовно считают, что он ее любовник. И обо мне то же самое думают. По их мнению, столь приближенные ко двору лица не могут посещать безродную горожанку по какой-либо иной причине. Поэтому соседи относятся к ней как к содержанке, имеющей двух любовников. Мужики не дают проходу, причем никого не пугает ее проклятие, они как зальют глаза с утра, им никакое проклятие не страшно. Тетки ревнуют мужей и запрещают своим порядочным дочкам с ней общаться, а порядочные дочери тайком от матушек достают ее просьбами сосватать им такого же любовника, как Элмар, или хотя бы как я.

— Ну вот, — недовольно проворчал король. — Представляешь, что случится с ее соседями, если в один прекрасный вечер в ее скромное жилище заявится лично мое величество и проторчит там, как обычно, до утра? Она уже имела из-за этого достаточно неприятностей.

— Давайте Мафей вас телепортирует. Он там был. И никто не узнает. Хотя... у нее там вечно бардак такой, что даже я пугаюсь, давайте лучше у меня. У меня бардак только в кабинете, а в доме у меня какая-то тетенька прибирается.

— Хорошо, давай у тебя. Только...

— Никаких «только», ваше величество, а то вы прямо как русская интеллигенция, то туда, то сюда. Неужели предыдущая история вас не научила, что колебания до добра не доводят? Прикурить у дракона вам, видите ли, не страшно, а пообщаться с девушкой вы никак не решаетесь. Называйте время.

— Жак, ты кого хочешь достанешь. Завтра тебя устро-

ит? Кстати, а почему ей мужики проходу не дают? И Элмара не боятся?

— Так ведь она ни за что не пожалуется. Я сам случайно заметил одного.

— И что ты сделал?

— Я с ним поговорил. Примерно как вы с Лаврисом. Пригрозил настучать Элмару. Но толку с того...

— Угрозы следует выполнять, тогда от них бывает толк.

— Так что, сказать?

— А скажи. Ну свернет Элмар башку одному-двум, заплатит семье компенсацию, не разорится... Да и несчастная вдова, наверное, будет только рада избавиться от козла-супруга и не поиметь с этого финансовых проблем. Зато будет бояться. А вообще, Жак... Как она там?

— Вот у нее и спросите.

— Нет, меня интересует объективная информация. Она ведь и мне не пожалуется, если что не так.

— Объективная... Не сказал бы, чтобы ей там нравилось. У нее постоянные депрессии и вечно полно каких-то мелких неприятностей... Да и одиноко ей здесь, по дому скучает. И друзей в своей среде она так и не завела. Пишет какие-то стихи, которые всем стесняется показывать. Курит по две дюжины сигарет в день и, на мой взгляд, многовато пьет... для девушки. Мне кажется, вы с Элмаром сделали большую глупость, что все ей рассказали. Хотя она утверждает, что это ее нормальное состояние и что в своем мире она такая и была. А здесь ей сначала казалось, что она попала в сказку, вот она и вела себя иначе. А теперь освоилась, привыкла, окунулась в обыденную жизнь, и, как она сама выразилась, «сказка кончилась». Оказалось, здесь так же паскудно, как и дома, только немножко хуже, потому что там у нее были родные, друзья и какое-никакое образование, а здесь Средние века, чепчики и переднички, утюги на углях и печка с дровами... А с мужиками ей не везет как там, так и здесь. В общем, она опять вернулась в свое дежурное состояние. Не знаю, может, и правду говорит, но я лично

сомневаюсь. А еще она носится с идеей пристроить куда-нибудь свою белую занавесь. Ее жаба давит умереть девственницей, как она выразилась. Но все никак не найдет себе кавалера по вкусу. Придурочные пьяные соседи ее не привлекают. А я сказал, что проклятия боюсь. А Элмар — что это с его стороны недостойно. Может, хоть вы не откажетесь?

— Откажусь.

— Смотрите. А то ведь если она дотянет до самого отбора, возьмет и потребует у вас ночь любви в качестве последней просьбы. Будете знать.

— Это она тебе так сказала?

— Нет, это я ей посоветовал.

— Спасибо тебе, дорогой друг! Я со своей стороны посоветую Ольге то же самое проделать с тобой — и могу поспорить, мой совет ей понравится больше.

— Не надо, ваше величество! — спохватился Жак.

— Очень даже надо. А то ты совсем обнаглел. И еще я ей посоветую напоить Элмара до требуемого состояния и отыметь его на свое усмотрение, чтобы не выпендривался со своим «недостойно» и «не подобает», охотничек хренов...

— Ваше величество! — ужаснулся Жак. — Вы представляете, что учинит наутро Элмар, если с ним так поспутить? Вам что, не дорог ваш кузен?

— Не преувеличивай, ничего выдающегося он не учинит. Покричит, как он мог и как это недостойно, пострадает пару недель, и на том все кончится. — Король посмотрел на часы, поднялся и убрал в сейф бутылку. — Допивай и выметайся, в четыре у меня деловая встреча.

— С Камиллой? — поинтересовался Жак.

— Нет, с Флавиусом. А с Камиллой у меня встреча в десять, если тебе так интересно. И тоже деловая. Я ей в очередной раз расскажу, что я о ней думаю, и буду, наверное, искать себе новую фаворитку. Не выдерживаю я ее подолгу, хотя профессионалка она первоклассная.

— Лучше бы вы себе жену искали, — проворчал Жак и тоже поднялся. — Не забудьте, завтра на закате.

— Амарго, у меня к тебе будет очень личная просьба. — Предводитель повстанцев поправил красный бантик на нагрудном кармане и внимательно посмотрел на собеседника. Товарищ Амарго недовольно поморщился.

— Догадываюсь. Сорди пожаловался тебе на моих ребята, и ты хочешь, чтобы я их заменил. Не больно ли много чести его торговому агенту? Чем ему не угодили мои ребята? Недостаточно сильно зады на поворотах заносили? Они и не будут воздавать ему почести. Их дело охранять. А его дело — вести переговоры и не приставать к местным в каждом кабаке.

— Я понимаю... — Товарищ Пассионарио виновато вздохнул и одарил Амарго очередным просительным взглядом. — Этот Ромеро и мне не особенно нравится. Но он нам нужен, и Сорди очень просил. У них там вышел конфликт... Я не прошу заменить всех, Торо и Эспада — спокойные интеллигентные люди, к ним трудно предъявить претензии, хотя Сорди и пытался. Но Рико замени, я тебя очень прошу. Он со своим языком кого хочешь доведет до истерики. Они чуть не подрались там, Торо и Эспада их растаскивали. Да и охранник он... не ахти какой. Вор, одним словом. Дай лучше еще одного воина, желателен стрелка. И не такого языкатого, как Рико.

— Хорошо, — недобро прищурился Амарго. — Я заменю Рико. Я дам тебе воина. Отличного стрелка. Молчаливого, как скала, если его не трогать. Не менее интеллигентного, чем Торо и Эспада, и столь же спокойного, опять-таки если его не раздражать специально. И если у Сорди опять будут претензии, пошли его подальше. И напхни, что у его бесценного Ромеро тоже вместо языка хвост собачий. По мне, так Рико там был в самый раз, они бы с ним регулярно устраивали поединки на языках, и обоим было бы весело. А человек посерьезнее этого болтуна пришибет. Чтоб не строил из себя большого начальника. Тоже мне специалист непревзойденный! Сегодня этот торгаш нам нужен, а завтра нет. Я сомневаюсь, что он вообще нужен. И сама затея договариваться с голдианцами мне не нравится. Я бы лучше попробовал ткнуть-

ся в Ортан. Там можно спокойно заключить сделку с короной и не опасаться, что тебя обманут.

— В Ортане нестабильно, — чуть качнул головой его молодой собеседник. — Там идет такая война интриг, что соваться страшно. Король с Комиссией друг другу всяческие козни строят, и встрять сейчас между ними — все равно что попасть в жернова. Голдианцы, конечно, могут и кинуть, но в Ортане еще опаснее. К тому же его величество проявляет излишний интерес к нашей партии. Он-то человек хороший, но ты сам говорил, что ему не следует знать лишнего. Впрочем, если ты передумал, я схожу к нему лично, мне это будет даже приятно...

— И думать забудь. — Амарго достал из кармана сигару и откусил кончик. — Дай прикурить. Не разучился еще?

— Нет, — чуть улыбнулся Пассионарио, поднес руку к сигаре и прищелкнул пальцами, из которых моментально взвился небольшой огонек. — А кого ты пришлешь вместо Рико?

Амарго затянулся, хитро прищурился и сообщил:

— Кантора. — И довольно улыбнулся при виде резко вытянувшегося лица собеседника. — А больше некого. Ты же сам просил стрелка. Чем тебя Кантор не устраивает?

— У тебя что, для него другой работы нет? Такого специалиста в охрану — это все равно что колоть орехи магическим кристаллом.

— Нет, — качнул головой Амарго. — Дело в том, что Кантор... Я его перевожу на другую работу. В полевой отряд жалко, это действительно будет, как ты сказал, орехи кристаллом, пусть побудет в охране. Тем более он языки знает.

— Переводишь? А почему? Он в чем-то провинился или... сорвался?

— Можно сказать, почти сорвался.

— Почти — это как?

— Если человек перестал владеть собой в обычной обстановке, рано или поздно он сорвется и на работе. Кан-

тор неглупый парень и сам это чувствует. Поэтому он пришел ко мне, рассказал все как есть и попросил перевести его в полевой отряд. Убийца, у которого не в порядке нервы, — это не убийца, а смертник.

— А когда они у него были в порядке? И в чем это выражается? Он хоть на наркотики не присел?

— Не замечал. А проблемы у него начались после той памятной охоты на ведьму. Что-то там произошло, о чем они с Саэтой умолчали. Хотел бы я знать, что именно, но Кантор же не скажет, а у Саэты теперь не спросишь...

— А что с ней случилось? Я как-то видел Гаэтано и почувствовал, что он прямо сам не свой, что-то у него стряслось, горе какое-то, но спросить постеснялся. Ты же знаешь Гаэтано, он и так меня недолюбливает, а если я ему начну в душу лезть...

— Что случилось... То же, что со всеми рано или поздно случается. То ли где-то ошиблась, то ли разведка подвела, но наткнулась на охрану. Первым же выстрелом — наповал. Ты бы видел, что творилось с Кантором, когда он узнал! Ребята перепугались до такой степени, что не рискнули сами к нему подходить и позвали меня.

— А что именно с ним творилось? — осторожно поинтересовался предводитель. — И почему я не знаю?

— Ты... — Лицо товарища Амарго приобрело выражение беспредельной досады с некоторым оттенком брезгливости, — как раз в это время в этой самой комнате, наевшись фанги в таком количестве, что нормальный человек сдох бы на месте, ловил фиолетовых гоблинов при помощи огненных дорожек. Вы с Кантором точно не братья? Почему у вас всяческие безобразия происходят одновременно и мне приходится между вами разрываться?

— Зато я все-таки научился делать огненные дорожки! — отмахнулся позитивно мыслящий товарищ.

— Путем передозировки наркотиков, — ядовито добавил наставник, — в полностью деревянном помещении. Самое время и место баловаться с огнем! Потом вся твоя охрана носилась с ведрами...

— Амарго, ну не начинай все сначала! — жалобно за-

драл брови предводитель. — Мы про Кантора говорили. Что делал я, уже выяснили, а он чего такого натворил?

— Ты когда-нибудь видел, чтобы Кантор плакал?

— Да ты что? — Огромные темные глаза товарища Пассионарию загорелись нездоровым интересом, граничащим с восторгом. — В самом деле? Каменное сердце нашего дорогого Кантора дрогнуло, и из этого комка холодной злости удалось выдавить слезу?

— Ты еще балладу напиши! — в сердцах плюнул Амарго. — Романтик ты наш поэтичный! Сердце, видите ли, дрогнуло! Дрогнула вся хижина, и не один раз, и хорошо, что вовсе не рухнула, потому как Кантор приложил к этому все усилия! Слезу выдавить! Да он устроил форменную истерику с битьем головой о стену и криками, что это он во всем виноват!

— Он был трезв? — уточнил вождь.

— Абсолютно. Да будь Кантор даже пьян в стельку, он так себя никогда не вел. В чем он виноват, так и не смог объяснить толком. Я всерьез боялся, что он опять рехнется, но вроде обошлось. Пришлось ему, правда, успокоительного вкатить, а то он ни говорить толком не мог, ни слушать. Проспался, пришел в себя, вроде все нормально, но после того стал как-то странно себя вести...

— Странно? По-твоему, до сих пор он вел себя нормально? Амарго, он же все эти годы...

— Что б ты в этом понимал!

— Как раз я в этом понимаю, и получше, чем ты! Ты бы в него хоть раз заглянул, как я, так тебе обычная видимая истерика тоже показалась бы переменной к лучшему!

— Я не умею заглядывать, — устало вздохнул Амарго. — Будем считать, что я тебе поверил, хотя специалист из тебя, мягко говоря, посредственный. Но это же еще не все. Пару дней Кантор пошатался в тоске и в печали по хижине, а потом явился ко мне сдаваться. Что-то сломалось, говорит, что-то не так, чувствую, а словами сказать не получается. В общем, не подумайте чего дурного, но переведите в полевой отряд, потому как работать больше не смогу. В полевой отряд я его не отпустил, там таким

тоже не место, пусть пока в охране побудет, а там посмотрим. Может, придет в себя немного. А нет — так я ему найду работу.

— Он даже тебе ничего не рассказал?

— Почему «даже»? Он мне просто не рассказал. Ты что, думаешь, я у него вместо жилетки для слез? Он ко мне приходит, только когда ему нужен совет. А плакаться он ни к кому не ходит. Даже к священнику.

— Кантор рьяный атеист или так не любит плакаться?

— Он просто узнал по голосу, кто у нас священник, и поэтому к нему не ходит. Одно дело изливать душу какому-то абстрактному священнику, и совсем другое — своему товарищу по группе, которому потом придется смотреть в глаза. В общем, никто ничего не знает. И ты не узнаешь, потому что он себе где-то за границей приобрел экранирующий амулет.

— Он вообще слишком замкнутым стал, — сказал товарищ Пассионарию, доставая сигарету и прикуривая все тем же способом. — Я его мало видел с тех пор, как познакомился... заново, но у меня сложилось именно такое впечатление. Замкнутый, холодный... и опасный. Как пистолет.

— Ну ты и вправду поэт! — усмехнулся Амарго. — Осталось только сесть и балладу написать — «Товарищ Кантор — человек-пистолет». Ты у нас любитель революционные стихи сочинять. Ты, помнится, и его собирался к этому полезному делу пристроить.

— Но я хотел как лучше. Я ведь знал его другим... Если честно, я не подозревал, что он таким станет. Когда он отказался работать в пропаганде и попросился в боевики, я думал, это у него временное следствие тяжелого потрясения. Чего-чего, а злым он никогда не был...

— А я знал, что он не станет работать в пропаганде. Правда, надеялся, что он просто пошлет нас куда подальше и удалится в неизвестном направлении, а что попросится в боевики, я тоже не ожидал... Ну что ж, пойду сообщу Кантору, что для него есть работа, и пусть приступает.

— Ага, — ухмыльнулся предводитель. — Может, этот Ромеро хоть теперь поумнеет и научится уважать товарищей.

— Непременно, — согласился Амарго. — Кантор большой любитель плевать на инструкции, и если Ромеро скажет ему нечто вроде того, что ляпнул Рико, драки, как таковой, не будет. Не забудь предупредить об этом Сорди.

— А ты предупреди Кантора, чтобы не вздумал убивать. С него станется, а Ромеро нам все-таки нужен.

— Да прямо-таки... Невелика потеря. — Амарго недовольно поморщился и перевел разговор на другую тему: — Как твое ухо?

— Ничего, все в порядке. Ты же знаешь, я умею регенерировать, и у меня все быстро заживает. Даже следов не останется, вот увидишь.

— Я-то знаю, но ты все-таки будь поаккуратнее. Как можно было так обжечь ухо? Опять самостоятельно учиться пытался?

— Да нет, я просто гладил рубашку, а в это время меня москит за ухо укусил...

— Пассионарио, ты как маленький, честное слово! Вечно с тобой что-то приключается. Представляю себе, что бы от тебя осталось годам к сорока, если б ты не умел регенерировать. Ты что, не мог утюгом гладить, как все нормальные люди?

— Но я же умею. Даже если бы это бедное ухо сгорело полностью, выросло бы новое.

— И на что бы ты стал похож? Ты уж хоть уши-то побереги.

— А ведь верно! — Молодой человек звонко расхохотался. — Я и забыл, ведь новое бы выросло такое, каким должно быть от природы... Хорош бы я был с разными ушами... Да ладно, не переживай. Ничего со мной не случится.

— Хотелось бы надеяться... — вздохнул Амарго и потянулся за шляпой.

ГЛАВА 2

А кому легко?
Народная мудрость

— Ой! — испуганно сказала Ольга и остановилась на пороге. Меньше всего она ожидала увидеть здесь его, да еще одного, поскольку Жака видно не было.

Его величество сидел за столом, точно как в первый день их знакомства, и задумчиво что-то чертил на листе бумаги. Увидев ее, он отложил карандаш, скомкал лист и сказал:

— Ну вот, опять «ой»! Жак что, не сказал, что я здесь? Вот уж любитель сюрпризы устраивать!

Станный какой-то был у него тон, не то обиженный, не то недовольный. Ольга попыталась вспомнить, как же следует приседать перед королем согласно этикету, но, будучи в замешательстве, никак не могла собрать мысли в кучу, поэтому просто отступила на шаг, упершись спиной в дверь, и сказала с легким приседанием:

— Приветствую вас, ваше величество!

Его величество резко изменился в лице и встал из-за стола. Ольге показалось даже, что он пошел красными пятнами, но при таком освещении сложно было разглядеть.

— Ольга, ты это от неожиданности или в качестве маленькой мести? — уже откровенно обиженно спросил он. — Не хватало, чтобы ты еще тут реверансы развела. Позволь, я помогу тебе снять плащ.

— Извините... — пробормотала Ольга, не зная, что и думать. — Я... просто не ожидала вас встретить... и...

— И не знаешь, как себя вести, — закончил за нее король, подходя и помогая ей выпутаться из плаща. — Проходи, садись к камину, и давай поговорим. Чтобы между нами не было недоразумений.

Окончательно озадаченная Ольга послушно присела в предложенное кресло и тут же представила себе, как она

выглядит в своем идиотском чепчике и платье с передничком.

— Можно, я сниму этот кретинский чепчик? — жалобно спросила она.

— Конечно, можно, — удивленно приподнял брови король. — А зачем ты его носишь, если он тебе так не нравится?

— Затем, что так положено! — проворчала Ольга, содрала ненавистный чепчик и злорадно швырнула через всю комнату. — Как он меня достал, этот дебильный чепчик! Я в нем на Золушку похожа! На умственно отсталую Золушку!

Король опустил в кресло напротив и внимательно посмотрел на нее. Как обычно.

— Причина твоего гнева — действительно этот несчастный головной убор или тебя раздражает мое присутствие?

— А я думала, вы спросите, кто такая Золушка... — грустно ответила Ольга, стараясь говорить помягче, чтобы не вызывать у его величества подозрений, будто его присутствие ее раздражает.

— Я знаю эту сказку, просто Жак не уточнял, что бедная девушка носила чепчик. И все-таки? Если ты до сих пор на меня сердишься, я пойму и не стану тебе надоедать.

— Да нет же, — поспешила уверить его Ольга, пока он действительно не надумал удрать. — С чего вы взяли, что я на вас сержусь? Меня правда достал этот чепчик, чтоб он провалился! Что за идиотская традиция — ходить в чепчике, нравится тебе это или нет!

— Честное слово, это не я придумал, — вздохнул король, сразу как-то повеселев. — Я тебя прекрасно понимаю, наши традиции кого хочешь достанут. Ты бы видела, как я выгляжу в своей короне. Как умственно отсталый грабитель могил. Мало того, она еще и уши натирает.

Ольга немедленно вспомнила бессмертные строки: «Только сдвинь корону набок, чтоб не висла на ушах» —

и невольно улыбнулась. Какие, оказывается, житейские проблемы бывают у королей!

— А как вы здесь очутились? — спросила она. — И где Жак? Он попросил меня прийти к нему, а сам смылся...

— Жак сейчас развлекается с Мафеем какими-то игрушками и ночевать останется во дворце. А я пришел сюда специально, чтобы повидать тебя. Кто же знал, что Жак додумается сделать тебе сюрприз и не предупредит.

«Странно, — подумала Ольга, — с какой радости это его величество вдруг обо мне вспомнил? Спросить что-то нужно? Так ведь спросить и у Жака можно. Или сообщить?.. И с чего такая конспирация? Стесняется появляться в моем обществе с некоторых пор или действительно какое-то секретное дело? Только бы не начал опять замуж звать, не дай бог...»

— А зачем я вам понадобилась? — осторожно спросила она. — У вас ко мне какое-то дело?

Король снова помрачнел.

— Дело? — медленно переспросил он, опуская глаза. — Ты полагаешь, это единственная возможная причина? Ну что ж, можно сказать, и дело...

Он замолчал, сгорбившись в своем кресле и напряженно сцепив руки, и сидел так некоторое время, словно обдумывал нечто важное. Потом поднял глаза и посмотрел на нее в упор, как всегда.

— Прости меня, дурака, — неожиданно сказал он. — Я должен был сделать это сразу, но не мог собраться с духом. Может быть, теперь уже поздно, но все же я должен это сказать. Прости мне мою беспечность, мою нерешительность, мой дремучий эгоизм и мое предложение, сделанное в столь свинской форме. Прости мою трусость и не думай, будто я избегаю твоего общества из страха перед проклятием или из-за... разницы в социальном положении. Мне просто было стыдно показываться тебе на глаза. Если можешь, прости мне все это, и пусть все будет как раньше. Я, конечно, сам виноват, но все же мне больно видеть, как ты разводишь передо мной реверансы и полагаешь, что я могу видаться с тобой только по делу.